

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ ДАРВИН

преподаватель-исследователь кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
darwin.aleksey@yandex.ru

СПАРТАНСКИЕ ЦАРИ И ЭФОРЫ: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Исследуется проблема институционального распределения полномочий и взаимоотношений царей и эфоров в классический период спартанской истории. Основной целью является переосмысление преобладающего до недавнего времени в историографии положения о возрастании политической роли эфората начиная с VI века до н. э. в ущерб власти и полномочий царей, что представляется не вполне обоснованным. Поскольку в российской историографии до сих пор превалирует указанное положение, а иностранные исследования, предлагающие альтернативную точку зрения, не анализировались и не рецензировались, актуальной задачей является еще раз подвергнуть анализу имеющиеся источники. Исходя из практически полного отсутствия сохранившихся политico-правовых документов из Лакедемона, намеренного отказа спартанских властей от письменной фиксации законов и состояния античной традиции, сообщающей о спартанском государстве, этапы конституционной эволюции Спарты достоверно восстановить невозможно. На основании первых в этом плане источников (приводимых Плутархом текста Большой Ретры и дополнения к ней, фрагментов элегий Тиртея «Евномия») нельзя сделать заключение об утрате царями части своих полномочий. Кроме того, большинство исследователей признает факт создания эфората самими царями в середине VIII века до н. э., что являлось антиаристократической, а не антимонархической мерой. Попытки связать усиление власти эфоров в архаический период с деятельностью конкретных личностей, таких как Астероп или Хилон, являются слабо доказанными гипотезами. Разбирая примеры взаимоотношений царей и эфоров в классический период, также невозможно подтвердить тезис об ослаблении власти или ущемлении полномочий царей в пользу эфората. На основании анализа источников делаем следующие выводы: все важные политические процессы и суды над царями подлежали компетенции «малой экклесии», а не были прерогативой только одних эфоров; инициаторами судебных процессов и самими судьями на некоторых из них были цари; цари активно участвовали в принятии совместных решений с коллегиальными органами, зачастую оказывая на них определенное воздействие. Относительно исключительной компетенции эфоров во внешнеполитической сфере необходимо отметить, что эта гипотеза не подтверждается как минимум касательно времени правления царей Клеомена I и Агесилая II. Во внешнеполитической сфере цари обладали преимуществом перед эфорами, поскольку они могли в течение своего пожизненного царствования предложить долгосрочную внешнеполитическую программу, в отличие от ежегодно переизбираемых эфоров.

Ключевые слова: спартанские цари, эфоры, история государственных институтов, Большая Ретра, «Евномия», Астероп, Хилон, Клеомен I, Агесилай II

Для цитирования: Дарвин А. Л. Спартанские цари и эфоры: сосуществование и взаимодействие двух государственных институтов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 22–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.367

ВВЕДЕНИЕ

До недавнего времени в историографии античности, во взгляде на историю и развитие государственных институтов в Спарте и, в частности, на взаимоотношения царей и эфоров в классический период главенствовало мнение о том, что начиная с середины VI века до н. э. и вплоть до эллинистического периода происходило неуклонное возрастание роли эфората как органа политической власти в ущерб властных полномочий царей и даже герусии. Апофеозом этой точки зрения было определение, вынесенное В. Эренбергом в подзаголовок главы о спартанском полисе [11: 41], что Спарта классического периода была «го-

сударством эфоров». Немало мнений было высказано о том, что в V веке до н. э. происходил системный кризис царской власти как государственного института на фоне увеличения власти эфората [15: 177]. Цари классического периода изображаются находящимися под постоянным «полицейским» надзором эфоров, часто, иногда даже неоднократно, подвергающимися судебным обвинениям [4: 64, 66–73]. Мало того, ряд исследователей имеет мнение о существовании некоего постоянно действующего плана эфоров по намеренному ослаблению царской власти [16: 138]. Роль царей в политической жизни Спарты эти исследователи сводят до роли простых,

постоянно подотчетных магистратов, находящихся даже в роли главнокомандующих под неусыпным надзором эфоров, а в гражданской составляющей их жизни неспособными выступить с определенной политической программой. Эфоры, оставшиеся в большинстве своем безымянными в античной традиции, наоборот, видятся вершителями судеб спартанского полиса и его внешней политики [1: 133–134, 138]. Также нужно отметить, что при этом в правовой сфере общественной жизни Спарты члены коллегии эфоров определяются как верховные суды [4: 166]. Таким образом, по мнению некоторых исследователей, эфорат осуществлял тотальный контроль над всеми сферами внешней и внутренней политики в Лакедемоне. При этом в качестве доказательства привлекаются замечания античных авторов о том, что власть эфоров вполне можно уравнять с властью тиранов (Xen. Lac. Pol. VIII, 4; Plat. Leg. IV, 712 d; Arist. Pol. II, 6, 14, 1270b 14)¹.

Подобные выводы тем не менее представляются не до конца обоснованными и, на наш взгляд, не отражают реальной картины институционального распределения полномочий и соотношения между собой «удельного веса» каждого из государственных институтов (герусия, цари, апелла, эфоры) в политической жизни Спарты. Еще более натянуто выглядит признание существования замысла или плана эфоров по ослаблению института царской власти. Объявление диархии и эфоров постоянно враждующими коллегиями, ведущими неустанную пропаганду среди спартанского общества друг против друга, вступает в противоречие с самим фактом длительного (более пяти столетий) сосуществования и взаимодействия этих органов власти Лакедемона. В истории спартанского государства действительно существуют примеры проектов реформирования политической структуры или ее критики, такие как реформаторский план Лисандра о выборах царя среди лучших (Plut. Lys. XXIV, Ages. XX) или трактат царя Павсания, предлагавшего упразднить эфорат (Strab. VIII, 366). Но эти примеры единичны и не могут являться аргументом для оправдания мнения о постоянной, взаимной и враждебной пропаганде, применяемой царями и эфорами.

ИСТОЧНИКИ

Формулирование однозначных выводов о конституционной истории Спарты затруднено. Во-первых, как верно отмечают П. Кэртлидж и ряд других антиковедов, сама Спарта представляла собой замкнутое общество, которое не стремилось сообщать кому бы то ни было о том, как устроена ее политическая система [9: 9–10]. Изоляционистская позиция властей Лакедемона была отмечена уже в античной традиции. На этот счет мы имеем недвусмысленное замечание Фукидиса, облечено в часть речи знаменитого афинского государственного деятеля Перикла (Thuc. II, 39, 1). Во-вторых, сохранилось крайне

мало политico-правовых и юридических текстов из Спарты, на основе которых можно было бы сделать однозначные выводы о распределении полномочий между органами власти и отдельными субъектами права. Это было вызвано намеренным отказом спартанских властей от какой-либо кодификации права и письменной фиксации законов. Так, как сообщает Плутарх в биографии Ликурга (Plut. Lyc., XIII), одна из так называемых малых ретр гласила, что писанные законы не нужны [4: 141]. Спартанская элита считала, что любая фиксация права ведет к излишней демократизации общества. В-третьих, состояние дошедшей до нас античной традиции, повествующей о структуре государственных органов в Спарте, оставляет желать лучшего. П. Карлье вполне справедливо заметил:

«С утратой “Истории” Эфора и “Конституции Лакедемона” Аристотеля мы потеряли надежду на подробный рассказ и точный анализ конституционной истории Спарты» [7: 302].

Наиболее подробные сведения об архаической Спарте и законах, принятых в это время, мы, к сожалению, получаем от компиляторов римской эпохи: Диодора, Страбона, Плутарха и Павсания. Тем не менее нередко за текстами Страбона прослеживается текст «Истории» Эфора, а за текстами Плутарха – тексты произведений Аристотеля. Таким образом, большую часть сведений более поздние авторы черпали у авторов V и IV веков. Благодаря этим сохранившимся фрагментам [7: 302, п. 377] мы можем видеть хотя бы общую картину. Более того, мы имеем несколько кратких заметок о конституционной эволюции в Спарте, авторами которых являются Геродот (I, 65), Фукидид (I, 18, 1) и Платон (Leg. III, 691d–692a). С определенной долей осторожности, исходя из их предвзятости, можно использовать свидетельства Ксенофона, который еще при жизни являлся «рупором» спартанской пропаганды. Вместе с тем его длительное пребывание в Лакедемоне, личное знакомство и дружба с царем Агесилаем, глубокие знания о «ликурговом строе» выгодно отличают Ксенофона от всех остальных античных авторов, писавших о Спарте. Некоторые сведения о спартанском государственном строе и образе жизни граждан Спарты мы получаем исключительно из «Лакедемонской политии» Ксенофона. Определенное количество сведений можно почерпнуть из речей (особенно из «Архидамы» – Isok. VI) Исократа, который в своих произведениях неоднократно ссылается на примеры из законодательства Ликурга и спартанские обычаи. Это касается, в частности, его восхищения «отеческой царской властью» у лакедемонян. Особенno ценной для рассматриваемого вопроса можно признать II книгу «Политики» Аристотеля (Arist. Pol. II). Однако следует четко понимать, что даже авторы классического периода располагали небольшим количеством документов или якобы документов

об архаической Спарте. Помимо этого, они использовали устные прозаические и поэтические предания различного происхождения, но эти предания были неточны и противоречивы. В некоторых случаях Геродот пересказывает нам то, «что говорили сами лакедемоняне». Благодаря этому автору нам известно, что думала спартанская элита в середине V века о происхождении своих государственных институтов. Для нас это имеет исключительную ценность. Однако нужно понимать, что эти мнения могли искажать истину во имя великой славы Спарты, а также в интересах некоторых групп и родов. Например, каждый из царских родов стремился приписать к числу своих предков великого законодателя Ликурга. Этот пример показывает, что по некоторым вопросам существовало несколько спартанских версий предания. Завершая обзор источниковой базы, нужно констатировать, что главными источниками о государственном устройстве Лакедемона являются аутентичные и древние тексты «Евномии» Тиртея и перелагаемые Плутархом в биографии Ликурга тексты Большой Ретры и дополнения к ней. Однако до сих пор не утихают споры о том, в какой мере эти тексты вообще могут оцениваться как ранние свидетельства. Периодически оспаривается подлинность каждого из них. В них видят подделки конца V или IV веков до н. э. Вместе с тем архаичный язык, упоминание древних топонимов, неоднозначность самого содержания, не позволяющая признать документ средством агитации IV века до н. э., являются решающими доказательствами в пользу подлинности Большой Ретры. Эти доводы, с которыми полностью солидарны многие антиковеды, были приведены В. Эренбергом еще в 1927 году³. Что касается «Евномии» Тиртея, то если обострить противоречия вокруг подлинности элегий, тогда необходимо пересмотреть и общие взгляды на значение Мессенских войн для развития спартанской «конституции» и государственных институтов. Кроме того, нужно согласиться с мнением В. Йегера о том, что в самом языке элегий нет следов софистических оборотов V века до н. э. Поэтому стихи Тиртея не могут представлять собой произведения афинских софистов конца V века – сторонников олигархии, как предполагал Е. Шварц [3: 125, 509–510]. При рассмотрении источников нужно учитывать, что помимо «Евномии» Тиртея и текста Большой Ретры, вплоть до V века до н. э. изменения в спартанском государственном устройстве отмечаются авторами только в двух пунктах. Во-первых, это дополнение к Большой Ретре, которое следует также отнести к архаическому времени (Plut. Lyc., VI). Во-вторых, это упоминаемый Геродотом (V, 75) закон 506 года до н. э. о выборе одного из двух царей при назначении главнокомандующего армией [6: 45–48]. Как верно отмечает А. Лютер: «В обоих случаях это не объясняет, что власть царей в пользу народных избранников (эфората) была ущемлена – совсем наоборот!

(Перевод мой. – А. Д.)» [16: 138]. Действительно, дополнение к Большой Ретре ограничивает волей царей и геронтов законодательную инициативу «народа», а после принятия закона 506 года до н. э. один из царей мог находиться в Спарте и принимать активное участие во внутривластической жизни государства.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

На основании имеющихся источников можно высказать ряд замечаний по поводу взаимодействия царской диархии и эфоров, а также правового статуса и положения этих органов в государственной структуре спартанского полиса. Начать необходимо с происхождения эфората как части государственной структуры. О происхождении и времени создания коллегии эфоров в науке об античности нет однозначного мнения. Большинство современных исследователей следуют версии Аристотеля (Pol. V, 9, 1, 1313a 25–34) и Платона (Leg. III, 691e–692a), относя дату создания эфората ко времени правления царя Феопомпа и Первой Мессенской войны (вторая половина VIII века до н. э.). Это вполне соотносится со списком эфоров-эпонимов Эратосфена и Аполлодора (Apollod. Chron. 244 F 335a), начало которого датируется 754/3 годом до н. э. Авторы римской эпохи также связывают имя Феопомпа с созданием эфората (Plut. Lyc. VI; Valer. Max. IV, 1, 8). Таким образом, признается факт создания этого органа спартанскими царями. Первоначально подчиненное царям положение эфоров как помощников архагетов и посредников между царями, знатными людьми (родовой аристократией) и простым народом объясняет присутствие эфоров при принесении ежемесячной клятвы, которую обоюдно давали друг другу цари и эфоры (Xen. Lac. Pol. XV, 7). Существование этого «общественного договора» может свидетельствовать о более могущественном положении царей в прошлом, для ограничения которого и потребовалось ввести такой обычай. Как сторона, выступающая в этом «договоре» от имени народа (*δῆμος*), эфоры были его представителями, гарантировавшими гражданам исполнение законов царями. Одновременно эта клятва гарантировала подчинение народа власти басилеев. Такое выгодное промежуточное и посредническое положение эфоров, вероятнее всего, явилось решающим фактором процесса, в результате которого при удачной политической конъюнктуре эфорат приобрел большое значение в государственной структуре Спарты. Тем не менее, как отмечает Л. Г. Печатнова, изначально сами цари могли быть заинтересованы в появлении такой магистратуры, как эфорат. Ведь эфоры, среди прочего, должны были защищать царскую власть от устремлений знати. Само же создание эфората выглядело скорее как антиаристократическая, чем антимонархическая мера [4: 130]. К. Вельвай также указывает, что эфорат использовал шанс получить свое особое значение, взяв

на себя посреднические связи между диархией, спартiatами высокого ранга и массой демоса в период внутреннего конфликта в Спарте [22: 88]. Кроме того, эфоры первоначально замещали царей в роли судей, когда архагеты до 506 года выступали в поход одновременно и не могли исполнять свои судебные функции. О создании эфората именно царями косвенно может свидетельствовать то, что на печати эфоров имелось изображение царя Полидора – соправителя Феопомпа (Paus. III, 11, 10). Таким образом, изначально между царями и эфорами не существовало никакого напряжения и конфликта. Наоборот, с созданием этой магistrатуры цари упрочили свое положение внутри общины и достигли посредством помощи эфоров политического консенсуса как с простым народом, так и с представителями знатнейших родов Спарты.

Одним из аргументов о всевластии эфоров и их возможности отлучения царей от власти некоторыми исследователями признается древний обычай, описанный Плутархом в биографии Агиса IV (Plut. Agis, XI, 3–5). Согласно ему, каждый девятый год, выбрав ясную и безлунную ночь, эфоры наблюдали за звездами. Увидев падающую звезду, они объявляли царей виновными в святотатстве и отрешали их от власти до тех пор, пока из Дельф или из Олимпии не поступит оракул, оправдывающий царей. Однако более ранних свидетельств о применении подобного ритуала, чем описание обычая у Плутарха, в источниках не имеется. Как справедливо, на наш взгляд, полагает К. Вельвай, маловероятным кажется то, что эфоры (тем более на раннем этапе существования эфората) могли широко использовать такой способ временного отрешения обоих правящих царей от власти. Скорее всего, эфоры по поручению царей, посредством своих наблюдений за звездами, обязаны были разведать, угодна ли божеству та или иная акция общины под руководством царей [19: 155], [22: 86–87]. Исходя из описания этого обычая и упоминания об эфоре Астеропе в биографии Клеомена у Плутарха (Plut. Cleom. X), С. Я. Лурье предполагал, что эфорат изначально был исключительно религиозной, сакральной коллегией, в обязанности которой входило наблюдение за звездами. От этого, на его взгляд, происходило их первоначальное название – астеропы⁴. Ю. В. Андреев, принимая точку зрения Лурье, также полагал, что в своей древнейшей форме эфорат был «корпорацией жрецов-звездогадателей» (астеропов) [1: 137]. Некоторые исследователи считают эфора Астеропа, который, согласно Плутарху, расширил полномочия эфоров, исторической личностью [13: 51], [19: 107]. Г. Берве видел в Астеропе законодателя и реформатора, который поднял институт эфората на новый уровень, дающий ему значительное влияние и власть⁵. Однако против этих выводов в историографии уже было высказано достаточно аргументов [18: 120].

Дальнейшее увеличение полномочий эфоров и возрастание роли апеллы в политической жиз-

ни Спарты во время Мессенских войн представляли собой два взаимодополняющих процесса. Усиление влияния этих органов происходило в связи с потребностью комплектования фаланги гоплитов, которая состояла из простых спартанских граждан. Одновременно с этим проблема «земельного голода» в Лакедемоне настоятельно требовала своего решения. Расширение же территории государства было уже немыслимо без участия большинства граждан в военных действиях. Поэтому роль в политической структуре апеллы и ее прямых избранников – эфоров, которые к середине VI века до н. э. уже не подчинялись царям и сами председательствовали в народном собрании, существенно возросла [22: 88]. Изменение статуса эфората и его реформу в середине VI века до н. э. нередко связывают с именем знаменитого эфора Хилона, которого античная традиция причисляет к так называемым семи мудрецам. Вместе с тем, несмотря на упоминание Хилона в списке эфоров-эпонимов под 556 годом до н. э., даты его рождения и смерти неизвестны. Сообщения о Хилоне Диогена Лаэртского противоречивы. Так, объявляя Хилона вслед за авторами эллинистического времени первым эфором и создателем эфората, власть которого отныне была сравнима с властью царей, Диоген называет дату его эфории – 556 год до н. э. (Diogen Laert. I, 3, 68). Однако в другом отрывке он фигурирует как глубокий старец и называется геронтом уже во время 52 Олимпиады, то есть в 572/69 год до н. э. (Diogen Laert. I, 3, 72). Как отмечает Л. Томмен, политическую карьеру Хилона реконструировать невозможно, а хронологические несурразности во многом типичны для устной традиции о человеке, который постепенно превратился в *culture hero* [21: 60]. Объединение имени Хилона с процессом ревальвации эфората, таким образом, оказывается не более чем искусственно созданной конструкцией поздних компиляторов античной традиции. Тем не менее середину VI века до н. э. и время активной политической деятельности Хилона некоторые антиковеды считают переломным моментом в процессе возрастания роли эфоров, а также периодом, в котором произошли большие перемены как во внешней, так и во внутренней политике Спарты [1: 139], [4: 135], [8: 139], [12: 355], [13: 71]. Отрицать перемены во внешней политике Спарты во второй половине VI и начале V века до н. э., что подтверждается античной традицией и, в особенности, достаточно надежными свидетельствами Геродота, невозможно. Действительно, спартанская элита объявила себя наследниками ахейских Атридов и начала активные изыскания мощей ахейских героев, стала проводить тираноборческую политику и приняла деятельное участие в свержении ряда тиранических режимов. В этот период Спарта образовала под своей эгидой один из самых прочных межполисных союзов – Пелопоннесскую лигу, существенно упрочила свое положение в Пелопоннесе и в Греции в целом. Спарта

в это время, перед лицом персидского вторжения в Элладу, становится признанным лидером греческого мира. Могло ли все это являться плодом деятельности и усилий какой-то одной конкретной личности, например эфора и «мудреца» Хилона? На наш взгляд, конечно же, нет. В противном случае, почему мы не можем обозначить автором и проводником этой новой политики знаменитого спартанского царя Клеомена I? Ведь при его деятельном участии была свергнута власть Писистратидов в Афинах, образован мощный антиперсидский союз греческих полисов, сломлено вековое сопротивление спартанскому влиянию на Пелопоннесе со стороны Аргоса. Все это было в том числе делом рук спартанского царя, а не только плодом деятельности нескольких, ежегодно сменяемых, коллегий эфоров. А. Лютер отмечает:

«В это время мы находим эфорат полностью сформированным, что по-разному воспринимается в современных исследованиях, но о постоянном ослаблении царской власти в пользу эфоров ничего не известно (Перевод мой. – А. Д.)» [16: 94].

Далее немецкий исследователь подробно рассматривает ряд свидетельств Геродота о взаимоотношениях царей и эфоров в хронологическом порядке. Первый в этом ряду – случай с повторной женитьбой отца Клеомена I Анаксандрида (Hdt. V, 39–41). Он приводится некоторыми исследователями в качестве примера активного вмешательства эфоров в частную жизнь царей. Вместе с тем этот эпизод, который произошел в середине VI века до н. э., является для А. Лютера и части исследователей доказательством того, что эфоры еще не обладали правовыми возможностями, чтобы издать от своего имени общеноародное постановление, обязывающее царей. Такое распоряжение они смогли дать только во взаимодействии с герусией (Hdt. V, 40), которая в это время по-прежнему являлась главным органом, принимающим решения. Кроме того, Л. Томмен замечает по этому поводу, что решающее давление на царя оказала неформальная власть политически влиятельных людей, а не демоса. С. Линк, ссылаясь на этот эпизод, признает расширенное взаимодействие эфората, герусии и народного собрания. Однако он объясняет переговоры эфоров и геронтов с царем лишь актом дипломатии, который должен был предотвратить досадное для царя народное решение [16: 94]. В любом случае, признать этот эпизод активным вмешательством именно эфоров в личную жизнь царя невозможно. Основным лейтмотивом действий геронтов и эфоров в этом эпизоде, на наш взгляд, является стремление не проявить свою власть над царем, а желание предотвратить прерывание старейшей царской династии Агиадов (ср.: [4: 64]).

В эпизоде с царем Анаксандридом мы уже можем видеть состав совета, или судебного трибунала, способного обязать своим решением

царских особ. Однако наиболее отчетливо состав этого судебного органа выглядит в эпизоде суда над царем Павсанием в 403 году до н. э. Он состоит из геронтов, второго царя и эфоров. О таком же составе суда мы можем сделать вывод из сообщения о заговоре Кинадона (401 год до н. э.) и эпизода об осуждении царя Агиса IV в 241 году до н. э. Так как этот орган в контексте эпизода с заговором Кинадона был назван *μικρὰ ἐκκλησία* (Xen. Hell. III, 3, 8), то, судя по всему, это название являлось официальным. Скорее всего, за *συνέδριον* спартанцев у Диодора (Diod. XV, 29, 6), на котором должно было состояться обсуждение дела спартанского офицера Сфодрия (Xen. Hell. V, 4, 24–33), скрывается «малая экклесия». Также, вероятно, ничто не говорит против того, что под *τέλη*, которое должно было осудить Клеарха (Xen. Anab. II, 6, 3–4), подразумевается именно «малая экклесия». Поэтому, как мы можем видеть, все важные политические процессы, и в особенности суды над царями, подлежали компетенции этого судебного органа, а не были судебной прерогативой одних лишь эфоров. Кроме того, мы не можем согласиться с мнением ряда исследователей о том, что эфоры возглавляли верховный суд Спарты, а их судебные функции были, по сути дела, неидентифицированными [4: 166]. Сам созыв суда и подготовка обвинений могли принадлежать к задачам эфоров. Однако это не исключает того, что и цари имели право выдвигать обвинения, подготавливать судебные процессы, а также фигурировать в роли судей. Это можно заключить как минимум из двух свидетельств. Первое представляет собой фрагмент текста «Законов» Феофраста, сохраненного благодаря Ватиканскому палимпсесту. В данном фрагменте описывается эпизод суда над Клеолом, возглавляемого царем Клеоменом (Fragm. A² III, 2, 20–30). Причем в этом эпизоде суда описываются некие «служащие», помогающие Клеому в расследовании, которых Кини идентифицирует как эфоров [14: 191–192]. Вероятно, что в некоторых процессах эфоры могли выступать как помощники царей-судей. Второе свидетельство представляет собой описание Павсанием Периегетом первого суда над царем Павсанием (403 год до н. э.). Согласно этому сообщению, все пять эфоров голосовали за оправдание царя (Paus. III, 5, 2). Следовательно, эфоры не могли быть теми, кто пустил в ход обвинение. Скорее всего, инициатором обвинения был второй царь – Агис II. Подобным образом можно заключить, что инициатором второго процесса над царем Павсанием (394 год до н. э.), согласно идентифицированному фрагменту Эфора у Страбона (Strab. VIII, 5, 5 с366 = Ephoros Fr. Gr. Hist. 70 F 118), изгнанного из-за рода Европонтидов, был Европонтид Агесилай II – наследник Агиса [16: 98, Anm. 17], [19: 432–441]. Как мы видим, в обоих эпизодах, связанных с судами над царем Павсанием, эфоры отнюдь не выступали в роли его официальных обвинителей. Вместе с тем можно

сделать еще один важный вывод о том, что даже в классический период царь Павсаний мог рассчитывать на поддержку всей коллегии эфоров, состоящей, судя по всему, целиком из его сторонников. Кроме того, в источниках имеются примеры совместных заседаний царей и эфоров (Hdt. VI, 63, 2; Plut. Ages. XXXII, 11), а также судебных заседаний царей совместно со всей апеллой по поводу законности претензий на царский титул (Hdt VI, 65–66: поддержка Клеоменом I Леотихида против Демарата; Xen. Hell. III, 3, 1–4; Plut. Ages. III, Lys. XXII; Paus. III, 85; Nepos. Ages. I: Павсаний поддерживает Леотихида против Агесилая). Геронты и цари выносили приговоры о смертной казни, об изгнании из полиса и о лишении гражданских прав (Xen. Lac. Pol. X, 2; Arist. Pol. II, 1294 b 33–34; Plut. Lyc. XXVI, 2). По мнению Д. МакДауэлла [17: 127], в разряд уголовных преступлений, за которые судили именно геронты и цари, входило убийство (Arist. Pol. II, 1275 b 10). Как справедливо указывает МакДауэлл, замечание Аристотеля (Arist. Pol. II, 1285 a 6–7) о том, что религиозные вопросы предоставлялись на рассмотрение царям, скорее всего, может свидетельствовать о полной компетенции спартанских царей в судебных разбирательствах на религиозной почве. В «Изречениях спартанцев» у Плутарха (Plut. Mor. 218 d) имеется пример участия Архидама II, сына Зевксидама, как третейского судьи в разрешении спора частных лиц приблизительно в середине V века до н. э. Все эти примеры показывают, что в особо важных судебных процессах при обсуждении вопросов, относящихся к сфере государственной власти или государственной безопасности, вне зависимости от того, как формировался осталльной состав суда, цари активно участвуют и принимают совместные решения с коллегиальными полисными органами, зачастую оказывая на них решающее воздействие (например, при рассмотрении дела об «убоявшихся» в сражении при Левктрах Агесилаем – Plut. Ages. XXX). Кроме того, не наблюдается монополии эфоров в области судебной юрисдикции, что так настойчиво утверждается некоторыми антиковедами. В статье, посвященной спартанскому правосудию, П. Кэртлидж приходит к однозначному выводу:

«С позволения Эренберга скажу, что Спарта не являлась “государством эфоров” в том смысле, что эфорат был единственным и даже самым значительным центром всей общественной политической власти. Как я пытался показать, герусия и цари (являвшиеся официальными членами герусии) могли играть такую же, если не более важную роль, и сфера правосудия не является исключением в данном случае» [9: 22].⁶

Далее кратко проанализируем вопрос о компетенции эфоров в определении внешней политики Спарты. Рядом исследователей высказывалось недвусмысленное мнение об исключительном авторитете и правах эфоров в этой сфере [4: 160–166]. Указывая на слабость царской власти в классический период, многие историки преду-

смотрели для царей второстепенную позицию во внешнеполитической сфере Спарты: либо цари проявляли себя покорными исполнителями политики, определяемой эфорами, либо, если они стремились к независимости, их устранили [10: 113–118], [20: 257–270]. Эта концепция как минимум не проливает свет на основную роль царей Клеомена I или Агесилая II, поскольку именно им наши источники приписывают ответственность за всю внешнюю политику Лакедемона. Их мнение было решающим в большинстве дискуссий по внешнеполитическим вопросам, а их вмешательство чаще всего предрешает итог любых переговоров. Очевидно, что эти цари утверждали свои политические позиции, заручились авторитетом и достаточной поддержкой среди граждан, чтобы склонить на свою сторону эфоров, герусию и апеллу. Другие цари, хотя и не обладали подобным превосходством, также некоторое время руководили внешней политикой Спарты, как, например, Архидам II, Плистоанакт, Павсаний и Агис III. Дело в том, что спартанские цари обладали важным преимуществом перед эфорами, исходя из пожизненного срока своего царствования. Поэтому у них была возможность предложить долгосрочную и связную политику, в отличие от переизбираемых ежегодно эфоров, которые зачастую принадлежали к разным политическим группировкам. Несмотря на то что эфоры пользуются доверием народа, они не обладают верховной *χάρισμα* и *δρεπή*, поэтому редко реализуют свой авторитет над согражданами. Героическое происхождение и *γέρεα* отличают царей от простых граждан. Они рождены, чтобы командовать. Кроме того, большинство из них растят, чтобы управлять, им с детства знакомы политические вопросы [2: 38–41]. Конечно, следует подчеркнуть, что именно апелла принимает все основные решения в области внешней политики. Народное собрание объявляет войну и утверждает договоры с другими государствами. Тем не менее эти решения не появляются спонтанно в момент собрания народа, апелла выбирает между сделанными предложениями. Теоретически герусия предварительно изучает эти предложения и может даже воспрепятствовать неугодному проекту. Непосредственная же подготовка для представления апелле одобренных герусией предложений входит в круг обязанностей эфоров. Эфоры также ведут переговоры о соглашениях с другими полисами и странами. Поэтому, даже если враждебный настрой геронтов может привести к отрицанию предложения, кажется, что основным фактором для царя, желающего вести определенную политику, остается поддержка народа. Эта поддержка важна не только из-за того, что народ утверждает все основные решения, но и потому, что она позволяет контролировать эфоров. В таком случае, что нередко происходило в действительности, царь, пользующийся поддержкой большинства граждан, может без труда поспособствовать тому, чтобы народ избрал в эфоры

его сторонников. Как верно заметил Эндрюс, именно это объясняет тот факт, что между сильными царями и эфорами не было конфликтов [5: 9]. Таким образом, эфоры превращаются в помощников царской власти. Они содействуют принятию царских проектов и послушно воплощают их в жизнь. Кроме того, возможно, что у граждан на заседаниях апеллы срабатывал определенный рефлекс подчинения солдата полководцу в походе, которым в Спарте почти всегда являлся царь. К этому следует добавить, что нарастающее с IV века до н. э. социальное неравенство могло позволить царям, являвшимся богатейшими людьми в Спарте, увеличивать количество своих сторонников среди зависимых от них «клиентов» и тем самым еще больше контролировать апеллу.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проанализировав источники и признавая верным мнение автора исследования, специально посвященного царям и эфорам в классический период, – А. Лютера [16: 138–139], делаем ряд выводов. Рассматривая взаимодействие царей и эфоров в классический период, следует отметить отсутствие признаков институционального антагонизма между обоими государственными органами. Скорее видится то, что совместная работа, будь то в рамках «малой экклесии», во время заседаний народного собрания или походах, как правило, проходила довольно гладко и эффективно. На практике

осуществлялась тесная взаимосвязь институтов при принятии решений. Немалое значение для реализации совместной политики имели персональные отношения между царями и эфорами. Конечно, иногда могли возникать разногласия между отдельными представителями диархии и членами коллегии эфоров начиная с середины VI века до н. э. Однако это не повод рассуждать о долгосрочном плане эфоров по лишению власти царей, исходя из того, что сам эфорат был ежегодно обновляемым органом. Также невозмож но подтвердить тезис об ослаблении власти или ущемлении полномочий царей в пользу эфората. На основании анализа источников констатируем: все важные политические процессы и суды над царями подлежали компетенции «малой экклесии», а не были прерогативой только одних эфоров; инициаторами судебных процессов и самими судьями на некоторых из них были цари; цари активно участвовали в принятии совместных решений с коллегиальными органами, зачастую оказывая на них определенное воздействие. Относительно исключительной компетенции эфоров во внешнеполитической сфере необходимо отметить, что эта гипотеза не подтверждается как минимум касательно времени правления царей Клеомена I и Агесилая II. Во внешнеполитической сфере цари обладали преимуществом перед эфорами, поскольку они могли в течение своего пожизненного царствования предложить долгосрочную внешнеполитическую программу, в отличие от ежегодно переизбираемых эфоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее приводятся ссылки на источники с сокращениями, которые приняты в научном обороте.
- ² Перевод с французского Л. Э. Лиукконен.
- ³ Ehrenberg V. Neugründer des Staates. Ein Beitrag zur Geschichte Spartas und Athens im VI. Jahrhundert. München: C. H. Becksche Verlag, 1925. S. 25.
- ⁴ Luria S. Zum politischen Kampf in Sparta gegen Ende des 5. Jahrhunderts // Klio. Bd. 21. 1927. Hf. 3/4. S. 404–420.
- ⁵ Berwe H. Sparta (Meyers Kleine Handbücherei 7). Leipzig: Bibliographisches Institut, 1937. S. 27.
- ⁶ Перевод с английского Л. Э. Лиукконен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Ю. В. Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2014. 304 с.
2. Дарвин А. Л. О воспитании спартанских царей // Клио. 2017. № 12 (132). С. 38–42.
3. Йегер В. Пайдея. Воспитание античного грека. Т. 1 / Пер. с нем. А. И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. 594 с.
4. Печатнова Л. Г. Спарта. Миф и реальность. М.: Вече, 2013. 384 с.
5. Andrews A. The Government of classical Sparta. Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on his 75th Birthday. Oxford, 1966. P. 1–20.
6. Carlier P. Cleomene I, re di Sparta. Contro le ‘leggi immutabili’. Gli Spartani fra tradizione e innovazione. A cura di Ginzia Bearzot e Franca Landucci. Milano: Vita e Pensiero, 2004. P. 33–52.
7. Carlier P. La royaute en Grèce avant Alexandre / Ouvrage publié avec le concours du Centre National des Lettres. Strasbourg: AECR, 1984. 562 p.
8. Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B. C. London: Routledge&Kegan Paul Ltd, 1979. 354 p.
9. Cartledge P. Spartan Justice? Or “the state of the Ephors”? // Dike: Rivista di storia del diritto Greco ed ellenistico. № 3. Milano, 2000. P. 5–26.
10. Cloche P. Sur rôle des rois de Sparte // Les études classiques. 1949. Vol. 17. P. 113–118, 343–381.
11. Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the sixth and fifth centuries BC. Second Edition. London: Routledge, 2014. 505 p.
12. Hammond N. G. L. The Peloponnes // The Cambridge Ancient History. Second Edition. Vol. III. Part 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. P. 321–359.
13. Huxley G. L. Early Sparta. London: Faber and Faber, 1962. 164 p.
14. Keane J. Theophrastus on Greek Judicial Procedure // Transactions of American Philological Association. 1974. № 104. P. 179–194.
15. Levi E. Sparte. Histoire politique et sociale jusqu’ à la conquête romaine. Paris: Éditions du Seuil, 2003. 364 p.

16. Luther A. Könige und Ephoren. Untersuchungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt am Main: Verlag Antike e. K., 2004. 159 s.
17. Mac Dowell D. M. Spartan Law. Edinburgh: Scottish Academic Press Ltd, 1968. 196 p.
18. Michel H. Sparta. Cambridge: At the University Press, 1957. 348 p.
19. Richer N. Les Ephores. Etudes sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIIIe–IIIe siècle avant J.-C.). Paris: Public. de la Sorbonne (Histoire ancienne et médiévale 50), 1998. 636 p.
20. Thomas C. G. On the Role of the Spartan Kings // Historia. 1974. Bd. 23. Hft. 3. P. 257–270.
21. Thommen L. Sparta. Verfassungs- und Sozialgeschichte einer griechischen Polis. Stuttgart. Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2003. 244 s.
22. Welwei K. W. Sparta. Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. Stuttgart: Klett-Cotta, 2004. 438 s.

Поступила в редакцию 19.06.2019

Aleksey L. Darvin, Research Lecturer, Saint Petersburg University
(St. Petersburg, Russian Federation)

SPARTAN KINGS AND EPHORS: THE TWO STATE INSTITUTIONS' COEXISTENCE AND INTERACTION

The article explores the issue of institutional distribution of powers between the kings and the ephors and their relations during the classical period of Spartan history. Its main objective is to reconsider the concept that prevailed in historiography until recent years stating that the ephorate political role increased to the detriment of the kings' authority and power, starting from the sixth century B. C., which now appears short on substantiation. As the above mentioned concept still prevails in Russian historiography, and the foreign research that offers an alternative view hasn't been analyzed and reviewed, the pressing task is to undertake an analysis of the available sources once again, given the results of this research. Because of the near-complete lack of extant political and legal documents from Lacedaemon, the deliberate refusal of the Spartan authorities to put laws and ancient tradition providing information about the Spartan state in writing, it is impossible to restore the stages of constitutional evolution of Sparta. Based upon the first sources in this regard (Plutarch citing *The Great Rhetra*, its addendum and the fragments of Tyrtaeus's poem *Eunomia*), one cannot conclude that the kings lost a part of their authority. Moreover, the majority of researchers admit the creation of the ephorate by the kings themselves in the middle of the eighth century B.C., which was an antiaristocratic and not an antimonarchic action. Attempts to link the ephorate accretion of power during the Archaic age to the activities of specific individuals like Asteropos or Chilon are hardly proven hypotheses. When analyzing the relations between the kings and ephors during the Classical period, it is also impossible to prove that the kings were eased out of power or their authority was weakened in favour of the ephorate. The analysis of the sources leads to the following conclusions: all significant political developments and trials of the kings were in the hands of the "Little Ecclesia" and were not the prerogative of the ephors only; the kings themselves initiated trials and acted as judges at some of those; the kings were actively involved in all decisions made together with collegiate bodies, and often had a certain impact on them. With regard to the ephors' exclusive competence in the area of foreign policy, one could not confirm this hypothesis, at least regarding the reign of the kings Cleomenes I and Agesilaus II. In foreign policy area, the kings had priority over the ephors, because unlike the ephors who were elected annually, the kings were able to offer a long-term foreign policy agenda during their life-long reign.

Keywords: Spartan kings, ephors, history of state institutions, Great Rhetra, Eunomia, Asteropos, Chilon, Cleomenes I, Agesilaus II
Cite this article as: Darvin A. L. Spartan kings and ephors: the two state institutions' coexistence and interaction. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019. No 6 (183). P. 22–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.367

REFERENCES

1. Andreev Yu. V. The Spartan experiment: society and army of Sparta. St. Petersburg, 2014. 304 p. (In Russ.).
2. Darvin A. L. About the education of Spartan kings. *Klio*. 2017. No 12 (132). P. 38–42. (In Russ.).
3. Jäger W. *Paideia*. Education of the ancient Greek. Vol. 1. (A. I. Ljubzhin, Trans.). Moscow, 2001. 594 p. (In Russ.).
4. Pechatnova L. G. Sparta. Myth and reality. Moscow, 2013. 384 p. (In Russ.).
5. Andrewes A. The Government of classical Sparta. Ancient Society and Institutions. Studies Presented to V. Ehrenberg on his 75th Birthday. Oxford, 1966. P. 1–20.
6. Carlier P. Cleomene I, re di Sparta. Contro le 'leggi immutabili'. Gli Spartani fra tradizione e innovazione. A cura di Ginzia Bearzot e Franca Landucci. Milano, Vita e Pensiero, 2004. P. 33–52.
7. Carlier P. La royaute en Grèce avant Alexandre / Ouvrage publié avec le concours du Centre National des Lettres. Strasbourg: AECR, 1984. 562 p.
8. Cartledge P. Sparta and Lakonia. A Regional History 1300–362 B. C. London, Routledge&Kegan Paul Ltd, 1979. 354 p.
9. Cartledge P. Spartan Justice? Or "the state of the Ephors"? *Dike: Rivista di storia del diritto Greco ed ellenistico*. No 3. Milano, 2000. P. 5–26.
10. Cloche P. Sur rôle des rois de Sparte. *Les études classiques*. 1949. Vol. 17. P. 113–118, 343–381.
11. Ehrenberg V. From Solon to Socrates: Greek History and Civilization during the sixth and fifth centuries BC. Second Edition. London, Routledge, 2014. 505 p.
12. Hammond N. G. L. The Peloponnese. *The Cambridge Ancient History*. Second Edition. Vol III. Part 3. Cambridge, Cambridge University Press, 1982. P. 321–359.
13. Huxley G. L. Early Sparta. London, Faber and Faber, 1962. 164 p.
14. Keane J. Theophrastus on Greek Judicial Procedure. *Transactions of American Philological Association*. 1974. No 104. P. 179–194.
15. Levi E. Sparte. Histoire politique et sociale jusqu'à la conquête romaine. Paris, Éditions du Seuil, 2003. 364 p.
16. Luther A. Könige und Ephoren. Untersuchungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte. Frankfurt am Main, Verlag Antike e. K., 2004. 159 s.
17. Mac Dowell D. M. Spartan Law. Edinburgh, Scottish Academic Press Ltd, 1968. 196 p.
18. Michel H. Sparta. Cambridge, At the University Press, 1957. 348 p.
19. Richer N. Les Ephores. Etudes sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIIIe–IIIe siècle avant J.-C.). Paris, Public. de la Sorbonne (Histoire ancienne et médiévale 50), 1998. 636 p.
20. Thomas C. G. On the Role of the Spartan Kings. *Historia*. 1974. Bd. 23. Hft. 3. P. 257–270.
21. Thommen L. Sparta. Verfassungs- und Sozialgeschichte einer griechischen Polis. Stuttgart. Weimar, Verlag J. B. Metzler, 2003. 244 s.
22. Welwei K. W. Sparta. Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. Stuttgart, Klett-Cotta, 2004. 438 s.

Received: 19 June, 2019